

УДК 343.326

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(1).38-48

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

А.В. Серебренникова¹, А.П. Суходолов², Б.А. Спасенников³¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация³ Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья им. Н.А. Семашко, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

16 августа 2019 г.

Дата принятия в печать

10 февраля 2020 г.

Дата онлайн-размещения

28 февраля 2020 г.

Ключевые слова

Криминология; терроризм;
террористическая преступность;
причины и условия преступности;
социально-политическая
обусловленность преступности;
противодействие преступности

Аннотация. Терроризм как социальное и правовое явление относится к числу самых опасных вызовов как для Российской Федерации, так и для мирового сообщества в целом. Он приобретает все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Российский законодатель определил терроризм как идеологию насилия, а также практику воздействия на принятие решений органами власти разных уровней либо международными организациями с использованием устрашения населения и (или) других форм противоправных насильственных действий. Статья посвящена криминологической характеристике причин и условий террористической деятельности. Авторы отмечают, что возникновение терроризма имеет определенные исторические предпосылки. Причины и условия террористической деятельности связаны как с внутренними, так и с внешними (политическими, экономическими, религиозными, психологическими) факторами, в том числе общими для всего мирового сообщества. Среди основных факторов, продуцирующих терроризм в настоящее время, авторы выделяют в первую очередь остроту и комплексный характер разнообразных социально-политических противоречий. Еще одним фактором, а скорее, следствием действия первого фактора, по мнению авторов, являются войны и вооруженные конфликты. Отмечается, что одной из причин живучести современного терроризма (как его идеологии, так и инфраструктуры) следует считать пробелы в международном и национальном законодательстве. Кроме того, существуют противоречия между государствами, заключающиеся в том, что они по-разному оценивают террористов и определяют терроризм как таковой. Отсутствие понятия «терроризм» в соответствующих международно-правовых документах, по мнению авторов, также служит одной из причин существования и обострения ситуации, связанной с увеличением числа проявлений террористической деятельности. В статье подчеркивается, что субъективной причиной террористической деятельности выступает мотивация ее субъектов. Она представляет собой субъективное отражение возможной совокупности объективных причин и сложившихся противоречий. Авторы делают вывод о том, что «многоликость» терроризма позволяет выделить всеобъемлющие причины и условия террористической деятельности, однако учеными выделяются типичные ее проявления.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CAUSES AND CONDITIONS OF TERRORIST CRIMES

Anna V. Serebrennikova¹, Alexander P. Sukhodolov², Boris A. Spasennikov³¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, the Russian Federation² Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation³ N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2019 August 16

Accepted

2020 February 10

Available online

2020 February 28

Abstract. Terrorism, as a social and legal phenomenon, is one of the most dangerous challenges both for the Russian Federation and the global community. It is acquiring more and more diverse forms and its scale is threatening. Russian legislators describe terrorism as an ideology of violence and a practice of influencing the decision-making of bodies of power at different levels or of international organizations through the intimidation of people and (or) other forms of illegal violent acts. The article is devoted to the criminological description of the causes and conditions of terrorist activities. The authors note that the emergence of terrorism has certain historical prerequisites. The causes and conditions of terrorist activities are connected with both internal and

Keywords

Criminology; terrorism; terrorist crimes; causes and conditions of crimes; social and political determination of crimes; crime counteraction

external (political, economic, religious, psychological) factors, including those common for all countries. The key factors that produce terrorism at present are, according to the authors, the severe character and complexity of various social and political contradictions. Another factor, or rather the consequence of the first one, is wars and armed conflicts. It is noted that one of the reasons for the persistence of modern terrorism (both its ideology and infrastructure) are gaps in international and national legislations. Besides, there are contradictions between states in their assessment of terrorists and their definition of terrorism. According to the authors, the absence of the concept «terrorism» in corresponding international legal documents is one of the reasons for the existing situation and for its escalation as the number of terrorist acts increases. The authors stress that the subjective reason for terrorist activities is the motivation of its subjects. It is a subjective reflection of the possible complex of objective causes and existing contradictions. The authors conclude that the «multifaceted character» of terrorism makes it possible to single out comprehensive causes and conditions of terrorist activities, however, the researchers present its typical manifestations.

Российский законодатель определил терроризм как идеологию насилия, а также практику воздействия на принятие решений органами власти разных уровней либо международными организациями с использованием устрашения населения и (или) других форм противоправных насильственных действий¹.

В современной политико-правовой доктрине терроризм понимается как применение преднамеренного неизбирательного насилия в качестве средства принуждения (террора), устрашения для достижения религиозной или политической цели [1, р. 531]. Понятие терроризма в этом значении используется главным образом для обозначения насилия в мирное время или в ходе войны против некомбатантов (в основном гражданских лиц и нейтральных военнослужащих) [2, р. 185].

Приводя в ст. 2 федерального закона «О противодействии терроризму» основные его принципы, законодатель косвенно указал на условия, минимизирующие террористическую активность. Это обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина, законность, системное и комплексное применение политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и других мер противодействия данному явлению, в том числе в рамках сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, международными и другими организациями, а также гражданами при приоритете превентивных мер. Эти и другие положения, включая недопустимость политических уступок террористам, при их максимальной практической реализации способны мини-

мизировать террористические проявления. В то же время, как показывает отечественный опыт, это сложная задача.

По оценкам экспертов, Россия сегодня «принадлежит к числу наиболее пораженных [терроризмом] стран» [3].

В криминологии главными причинами внутреннего терроризма принято считать крайнее обострение противоречий в политической, идеологической, социально-экономической сферах, при котором проявляется стремление одной стороны, считающей себя (свою идею, народ, регион, религию) ущемленной, игнорировать законные и (или) общественно приемлемые способы снятия противоречий (урегулирования конфликта) и разрешать их путем насилия с использованием террористических методов.

Исторически причины российского терроризма кроются во внутривнутриполитических проблемах. Многочисленные покушения на высших чиновников в 1866–1910 гг., убийство Александра II были вызваны идеологически мотивированным стремлением народовольцев и части эсеров запугать власть, спровоцировать народ и сменить социальный строй [4]. Террористы того времени в подавляющем большинстве действовали и умирали за идею, как оказалось, их средствами неосуществимую.

Во избежание двойных стандартов следует подчеркнуть, что большая часть указанных лиц были осуждены за деятельность, которая сегодня в полной мере подпадала бы практически под все статьи о преступлениях террористической направленности УК РФ. В то же время на картах российских городов продолжают оставаться улицы, названные их именами. Так, только именем Софьи Перовской до сих пор названы улицы в 28 российских городах. Есть улицы Кибальчича в Невском районе Санкт-Петербурга и Алексеев-

¹ О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

ском районе СВАО в Москве и т.п. Героизация, романтизация, оправдание терроризма любыми «высокими» целями и идеями² являются одной из весомых причин его живучести. Полагая оправдание терроризма, даже в исторических фактах и оценках, одним из условий его существования, считаем такого рода практику недопустимой. Международно-правовые нормы и четко и однозначно занятая российским руководством позиция в деле противодействия терроризму требуют не только уголовно-правовой, но и при необходимости историко-политической оценки указанных действий.

Противоречия, за устранение которых боролись террористы-народовольцы, в СССР были сняты введением всеобщего формально-юридического равенства, обязательного среднего образования, ликвидацией безработицы, этнической дискриминации и т.п. В то же время ликвидация основных социальных противоречий не гарантировала от появления новых, а значит, причины для террористических актов оставались и в социалистическом обществе.

На первый план вышли корысть и желание выехать из СССР в капиталистические страны (десятки случаев вооруженных угонов самолетов), национализм (взрывы в московском метро и магазинах 8 января 1977 г.), разочарование в социалистическом строе (покушение младшего лейтенанта Ильина на Л.И. Брежнева в 1969 г.), иные причины, не связанные с политикой (терракты в общественном транспорте и общественных местах).

Одной из правовых причин живучести терроризма в советский период следует считать нежелание официально признавать его наличие в СССР, т.е. в социалистическом государстве, где официально не было социальных, национальных и иных антагонистических противоречий. Так, отсутствие в советском уголовном праве специальной криминализации захвата заложника объяснялось тем, что это преступление тогда (до середины 1980-х гг.) было «достаточно редким» [5, с. 22]. С этой позицией сложно согласиться. Захват заложников в процентном соотношении с другими общеуголовными пре-

ступлениями действительно был ничтожен, но случаи повторялись ежегодно, имели тенденцию к росту их количества и наивысшую общественную опасность.

В 1960–1970-х гг. именно захват заложников с последующим выдвижением требований стал основной тактикой террористов по всему миру, к чему международное право (как и национальное, в большинстве юрисдикций) оказалось не готово [6]. В то же время в первой половине 1970-х гг., в период активной работы над международной конвенцией о противодействии терроризму, участники обсуждений стремились избежать ссылки на политизированный термин «терроризм» [7], который некритично «смешивался» с национально-освободительным движением. Такая разобщенность играла на руку террористам.

По нашим подсчетам, в 1970-е гг. в СССР ежегодно регистрировалось в среднем пять-шесть случаев угонов самолетов, сопровождавшихся захватом пассажиров в заложники (1970 г. — пять угонов (включая попытки); 1971 г. — пять; 1976 г. — три; 1977 г. — пять; 1978 г. — семь; 1979 г. — четыре; 1980 г. — пять; 1982 г. — три; 1983 г. — пять; 1984 г. — четыре и т.д. Рекордным был 1990 г. — 31 инцидент [8, с. 43]). Наиболее известен захват и угон в Турцию 15 октября 1970 г. борта Ан-24Б (рейс Батуми — Сухуми) отцом и сыном Бразинскасами [9, с. 142], что вынудило законодателя 3 января 1973 г. ввести уголовную ответственность за угон воздушного судна (ст. 213.2 УК РСФСР), который с того момента квалифицировался самостоятельно, но не как преступление террористической направленности. Дополнительно все рейсы сопровождали вооруженные сотрудники милиции. В этой связи сложно согласиться с позицией, состоящей в том, что захваты гражданских самолетов и пассажиров в заложники «были единичными» и в силу редкости «не представляли общественной опасности в государственных масштабах» [10, с. 258].

Причины захватов были типичны. Как правило, воздушные террористы не выдвигали никаких политических или имущественных требований, стремясь лишь покинуть СССР, что легально было сделать крайне сложно, если не невозможно.

Примерно в то же время, в конце 1970-х гг., мировое сообщество признало захват заложников тяжким преступлением [11]. Генеральная Ассамблея ООН в 1979 г. приняла Международ-

² В СССР террористические методы социальной борьбы оправдывались и даже приветствовались, а активисты «Народной воли», готовившие и совершавшие теракты, чествовались как герои и борцы за свободу, их имена увековечивали, а оставшиеся в живых (В.Н. Фигнер, А.В. Якимов, М.Ф. Фроленко и др.) получали высокие, индексированные персональные пенсии «как участники террористического акта 1 марта 1881 г.».

ную конвенцию о захвате заложников³, которая, однако, не применялась, когда захват совершался в пределах одного государства и заложники были его гражданами (ст. 13). Международное право рассматривало захват заложников как преступление, предусмотренное и международным, и национальным уголовным законодательством. СССР ратифицировал Конвенцию с большим опозданием — в 1987 г., дополнив уголовное законодательство соответствующей нормой — ст. 126.1 УК РСФСР⁴.

Таким образом, как свидетельствует российский и мировой опыт, именно острота и комплексный характер разнообразных социально-политических противоречий остаются главным фактором, продуцирующим терроризм. Вторым фактором, а скорее следствием действия первого фактора, называются войны и вооруженные конфликты. В международной практике Дж. Слейтер убедительно показал, как израильско-палестинский так называемый мирный процесс стал, по сути, переходом палестинцев от революции к терроризму и эскалации насилия. Источником и причиной палестинского терроризма принято считать территориальный спор с Израилем, но в большей степени это все же тяжелая социально-экономическая ситуация в самой Палестине [12, р. 180].

Мировая и российская практика показывает, что при наличии горячих точек террористические акты становятся (воспринимаются участниками) частью боевых действий [13, с. 106]. Указанные факторы в полном объеме проявили себя в 1990-е гг., когда острые противоречия на Северном Кавказе имели следствием десятки терактов в Чечне, Дагестане, а также в Москве и других российских городах.

Еще одним фактором, порождающим терроризм, А.В. Родин называет существование социальных групп, чье благосостояние резко контрастирует с материальным уровнем большинства населения. По мнению указанного автора, такие социальные группы, обладая экономической и военной силой, а также прочими возможностями диктовать свою волю другим социальным группам, могут финансировать и поддерживать террористическую деятельность [там же, с. 107]. Автор, вероятно, имеет в виду спонсоров терроризма, существование и актив-

ность которых, безусловно, являются важным дополнительным фактором, порождающим терроризм. Очевидно, что без иностранных спонсоров терроризм на Северном Кавказе не мог иметь таких масштабов.

Наступившая с началом 2000-х гг. относительная социально-экономическая и политическая стабильность, попытки военного, а затем и мирного разрешения кризиса на Северном Кавказе устранили одни противоречия, но породили другие, которые, в свою очередь, продуцировали новый этап террористической эскалации. В 2000 г. произошло девять крупных терактов, в том числе 8 августа — взрыв в Москве, в подземном переходе на Пушкинской площади, в результате которого погибло 13 и было ранено 118 чел. В 2001 г. совершено восемь терактов, в том числе 24 марта в Минеральных Водах, где погиб 21 чел. и до 100 было ранено. В 2002 г. — шесть терактов, в том числе 9 мая в Каспийске, где при подрыве праздничной воинской колонны погибло 45 и было ранено свыше 170 чел. В 2003 г. — одиннадцать терактов, в том числе 5 июля на аэродроме Тушино, где проходил рок-фестиваль «Крылья», там погибло 16 и было ранено 50 чел. В 2004 г. произошло девять терактов, в том числе 6 февраля на перегоне между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» московского метро, в результате которого погибло 42 и было ранено 250 чел. 9 мая того же года в Грозном был убит президент Чеченской Республики А. Кадыров и председатель Госсовета Чечни Х. Исаев. 24 августа террористки-смертницы взорвали в воздухе самолеты Ту-154 и Ту-134 (90 погибших). Самым кровавым стал захват школы № 1 в Беслане, в результате которого погибло 333 и было ранено свыше 800 чел.

Все террористические акты этого периода имели одну причину — ситуацию в Чечне, Ингушетии и Дагестане, на территории которых действовали крупные незаконные вооруженные формирования. Предполагалось, что с ее разрешением внутренний российский терроризм утратит свой побудительный мотив. Надежду на это дал ощутимый спад террористической активности в 2007–2009 гг., однако в 2010 г. было совершено 24 теракта, в том числе 29 марта в московском метро, когда погиб 41 и было ранено 88 чел. Остальные теракты произошли в регионах Северного Кавказа, а исполнителями (смертниками) были боевики из местных незаконных вооруженных формирований. Не снижалась террористическая актив-

³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hostages.pdf.

⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 30. Ст. 1087.

ность в 2011–2013 гг., при этом причины и фигуранты оставались прежними.

Таким образом, основной причиной внутреннего российского терроризма с момента распада СССР является ситуация на Северном Кавказе. Наступивший с 2014 г. спад террористической активности, вероятно, следует связывать со стабилизацией в Чечне. В этих условиях инициативу по организации терактов берут на себя международные террористические организации, прежде всего запрещенные в России «Аль-Каида» и ИГИЛ. Их подозревают (никто не взял на себя ответственность) в организации теракта 3 апреля 2017 г. в Петербургском метрополитене, где погибло 16 и было ранено 87 пассажиров.

Таким образом, относительная стабилизация на Северном Кавказе, длительное время бывшем основным очагом террористической активности, активное противодействие банд-подполью и ликвидация его лидеров снизили, но не устранили терроризм как феномен. Вновь проявилась тенденция смены причин, когда на место одной (казалось бы, устраненной) приходит другая. В этом смысле следует поставить под вопрос доминирующее в литературе представление о детерминации терроризма преимущественно внутренней социально-экономической ситуацией. «Если страна благополучна, — подчеркивает А.В. Родин, — то терроризм как явление в ней не может обособиться». Автор допускает «лишь единичные случаи» действий «психически неуравновешенных маргиналов», полагая, что терроризм «присущ кризисным моментам модернизационного перехода», а когда они завершаются, он исчезает [13, с. 106]. Теракты в самых благополучных государствах — в США 11 сентября 2001 г. и 15 апреля 2013 г. на марафоне в Бостоне, Мадриде 11 марта 2004 г., Ницце 14 июля 2016 г. и Париже 13 ноября 2015 г., Брюсселе 22 марта 2016 г., Берлине 19 декабря 2016 г. и др. — показывают, что благополучие не гарантирует от терроризма.

Одной из причин живучести современного терроризма (как его идеологии, так и инфраструктуры) следует считать пробелы в международном и национальном законодательстве и его недостатки, а также противоречия между государствами, заключающиеся в том, что они по-разному оценивают террористов и определяют терроризм как таковой.

Так, все криминологи, занимающиеся этой проблемой, признают широкую вариативность

определений терроризма [14, р. 5], которые часто перегружены, так как ученые, стремясь учесть, описать и предусмотреть все, впадают в многословие. С позиции лаконичности и точности импонирует определение политического обозревателя «Нью-Йорк таймс» Роберта Маки: «Терроризм — это преднамеренное убийство невинных наугад, чтобы посеять страх среди населения и заставить политических лидеров действовать» [15].

В политико-правовом дискурсе терроризм принято считать «обвиняемым термином» (*charged term*), используемым с коннотацией «морально неправильного» или осуждаемого образа действий. Термин «терроризм» всегда относится к так называемым загруженным терминам, имеющим политический, военный и эмоциональный контекст, и применяется в риторике, предназначенной для оказания влияния на аудиторию, моделирования ее эмоциональной реакции и (или) эксплуатации стереотипов [16, р. 6; 17, р. 132].

Правительства и негосударственные организации часто используют этот термин для осуждения противоборствующих им групп, т.е. в практике «навешивания ярлыков» [18, р. 14; 19, р. 3].

Политические организации нередко обвиняются правительствами либо другими организациями в использовании терроризма для достижения своих целей. Так, к наиболее «частым факторам терроризма» принято относить сепаратизм и национально-освободительные движения, включая религиозные, этнические и идеологические споры [13, с. 106]. Участники этих движений, их идеологи, спонсоры и международные союзники считают их не террористами, а борцами за свободу, что, безусловно, на руку террористам.

В начале 1990-х гг. преобладал пессимизм по поводу возможности достижения консенсуса в определении международного терроризма [20, с. 93], поэтому международные организации длительное время обходились без него. Так, на момент принятия текста Статута Международного уголовного суда понятия «терроризм» в нем не было по причине отсутствия на тот момент его общепринятого определения [21, р. 6].

Сегодня для многообразия доктринальных определений терроризма характерна чрезвычайная широта, расплывчатость, многословие и противоречивость. В исследовании В.Ф. Антипенко дано определение терроризма из 52 слов, четырех смысловых направлений и нескольких

дискуссионных понятий: «миропорядок», «этнотерриториальные» и др. [22, с. 93].

В обширном массиве исследований по заявленной проблематике обязательно делается акцент на многогранность природы терроризма, которая препятствует как определению самого понятия, так и международному консенсусу в выработке мер противодействия данному явлению.

Ссылаясь на «многоликость» терроризма, М.М. Алексеева отмечает, что это не просто «культ и практика насилия», а идеология, в связи с чем определение этого сложного явления автор относит к «международным проблемам, решение которых имеет исключительное практическое значение» для выявления его причин [23, с. 56].

В криминологии терроризм рассматривается как «процесс обезчеловечивания», при котором жертва перестает быть человеком и превращается в залог, «техническое обеспечение» достижения противоправных и антигуманных целей [24, с. 443–444].

В юридической литературе активно рассматриваются проблемы отграничения состава терроризма от смежных деяний, правовые пути деполитизации «государственного терроризма» в его соотношении с международными нормами об агрессии. Долгое время не было полной ясности в вопросах отнесения международного терроризма к международным преступлениям. Таким образом, неопределенность границ, а также широкое или неоправданно суженное толкование анализируемого явления препятствовали установлению его причин, так как было не совсем ясно, причины какого явления следует определять.

В данном случае необходим комплексный подход, так как терроризм не един, имеет «целый ряд форм и разновидностей» [20, с. 52], следовательно, и причины у него могут быть разные. С 1970-х гг. их характеризовала и классифицировала в основном западная доктрина международного права и политология, выстраивая по разным основаниям в соответствии с действовавшими классификациями терроризма, в том числе и как формы политического насилия [25, р. 89; 26, р. 58; 27].

В то же время российская криминология, используя причинный подход, смогла преодолеть трудности с определением этого феномена по формально юридическим критериям. Коллектив авторов под руководством Ю.М. Антонова определил терроризм как «относительно массовое, исторически изменчивое, уголовно

наказуемое явление, характеризующееся совершением умышленных преступных действий с целью вызвать страх и панику, с выдвиганием различных требований» [3].

Примечательно, что ни в одном из выявленных определений терроризма нет даже указания на его причины, в результате само определяемое явление как бы «подвисает», возникая как данность, из ниоткуда. При этом в ходе расследования и анализа террористических деяний в первую очередь возникает традиционный вопрос: «*Cui prodest?*» (кому выгодно?), т.е. устанавливаются причинные связи.

Если исходить из приведенного выше определения федерального закона, то в этом смысле под терроризмом следует понимать обусловленную социально-политическими, религиозными и иными действующими факторами идеологию и практику противоправного воздействия на принятие управленческих решений средствами устрашения населения и (или) иными насильственными действиями.

Еще одной причиной существования терроризма, в том числе в глобальном «формате», следует считать недостатки международно-правового регулирования, которые не позволяют координированно противодействовать этому явлению.

Международное право в сфере борьбы с терроризмом начало формироваться в 1960–1970-е гг. с серии конвенций о защите гражданской авиации от угонов самолетов и захвата пассажиров в заложники. В Европе на региональном уровне уже в 1977 г. была принята Европейская конвенция о пресечении терроризма (ратифицирована РФ в 2003 г.⁵), коснувшаяся в основном вопросов деполитизации террористической деятельности, международного преследования и выдачи террористов.

14 июня 2001 г. Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан подписали Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁶ (далее — Конвенция).

При некоторой громоздкости и неточности формулировок в документе отсутствует причинный подход. В частности, речь в Конвенции идет о принуждении террористами органов власти

⁵ Собрание законодательства РФ. 2003. № 3. Ст. 202.

⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405>.

или международной организации к совершению или нес совершению определенных действий, но не уточнено, что эти действия террористы требуют осуществить в их интересах. Требования террористов обычно конкретны. Однако теракты последних лет в Ницце, Париже, Санкт-Петербурге показывают, что террористы могут и не выдвигать требований к власти, а стремятся лишь дестабилизировать ситуацию, что также не отражено в Конвенции. Подписанты Конвенции никак не определили общие причины терроризма, против которых они могли бы совместно бороться.

Сегодня в международно-правовую систему противодействия терроризму входит 13 международных конвенций⁷, составляющих правовую основу глобальной системы и политики противодействия терроризму, который определен, деполитизирован, криминализован и подвергнут осуждению. В то же время, как обоснованно отмечал в 2004 г. В.Ф. Антипенко, несмотря на «очевидность терроризма как порождения международной жизни», международное право в анализируемой сфере не содержит концептуальной оценки (или ее методов либо критериев) ответственности участников международных отношений за создание условий, предоставление возможностей для террористической деятельности.

Современное международное право, игнорируя причины рассматриваемого явления, определило полем регулирования исключительно узкий сегмент терроризма — объективную сторону преступных действий, имея в виду, как правило, сами террористические акты. Следует согласиться с В.Ф. Антипенко в том, что международно-правовые документы не рассматривают глобальные и региональные политические, социальные и экономические причины террористической активности, т.е. терроризма как такового [22, с. 12].

Такие причины регулярно обсуждаются Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН. Пример Палестины приводился выше, и он не единичен. Украина считает ДНР и ЛНР террористическими организациями, а причиной — российскую «агрессию» и «оккупацию». Соответственно, сами ДНР и ЛНР имеют противоположную точку зрения на причины конфликта. Подобные ситуации типичны для непризнанных государств.

⁷ Международные соглашения по борьбе с терроризмом. URL: www.un.org/russian/terrorism/instruments.shtml.

Опыт разработки и принятия большинства международных антитеррористических конвенций показал невозможность полного согласования взглядов на причины терроризма в конкретных случаях (особенно связанных с вопросами самоопределения/сепаратизма в силу диаметрального расхождения позиций).

Еще одной причиной существования терроризма, тесно связанной с предыдущей, является существование двойных стандартов при оценке терроризма, что сегодня приобрело особую актуальность и активно обсуждается в литературе [28].

В частности, В.И. Боярский, считая террористические организации по сути инструментом политики по обеспечению «жизненно важных интересов государств», анализирует «понятие современного терроризма», определяя его как «форму партизанской войны, тактический прием», реализуемый не только «сепаратистами, религиозно-политическими движениями», но и вполне официально существующими «силами специальных операций» ведущих государств» [29, с. 86]. Таким образом, к числу причин современного терроризма добавляется геополитическая конфронтация.

В литературе признается негативное влияние политики двойных стандартов на состояние, применимость и развитие международного законодательства в сфере борьбы с терроризмом, что особенно заметно в вопросах экстрадиции лиц, разыскиваемых за совершение преступлений террористического характера [23, с. 59].

Причины возникновения двойных стандартов кроются в геополитических интересах. Их реализация любой ценой предполагает смещение «неудобных режимов с грубым навязыванием своих правил». Результатом такой деятельности становится разрушение государственности, стравливание народов, что обеспечивает простор для радикалов, экстремистов и террористов [30; 31]. Позиция России здесь однозначна и состоит в исключении предоставления убежища бандитам, двойных стандартов, контактов с террористическими организациями, попыток их использования в своих целях, любого «преступного, кровавого бизнеса с террористами»⁸.

Среди объективных причин расхождений в позициях субъектов международного права следует назвать то, что каждый из них по-разному понимает свою и международную

⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864/work>.

безопасность, преломляя ее применительно к своим внешне- и геополитическим интересам. Значительны расхождения в их представлениях о формах международного терроризма.

Часть субъектов международного права стремятся не связывать себя какими бы то ни было формулировками, способными помешать сомнительной или прямо противоправной с точки зрения международного права деятельности, связанной с политическим насилием. Нельзя забывать, что в ряде культур цивилизационные представления таковы, что террорист может быть объявлен героем и мучеником, которому следует поклоняться. Речь идет об идеологических, политических и геополитических противоречиях, формирующих двойные стандарты при оценке террористической деятельности [23, с. 59].

Классическая формула двойных стандартов была предложена в 1975 г. за пределами научного мира Дж. Сеймуром в его книге «Игра Гарри»: «Для одного человека — террорист, для другого — борец за свободу» (One man's terrorist is another man's freedom fighter») [32].

В современном политико-правовом дискурсе под двойными стандартами принято понимать принципиально различное, а нередко и противоположное толкование принципов, законов, правил, а также причин явлений, их оценок применительно к однотипным ситуациям и действиям субъектов в зависимости от их лояльности либо извлекаемой политической или иной выгоды для оценивающего, вне зависимости от правового или морального содержания действия. В данном случае игнорируются реальные обстоятельства, факты, общепризнанные презумпции и позиции, оценивающий опирается лишь на свое отношение к действиям оцениваемого, на возможную выгоду [33, р. 17].

В современных исследованиях называется три наиболее актуальных проблемы, когда, как правило, проявляются двойные стандарты. Это существование и статус непризнанных государств, вопросы прав человека, а также гуманитарных интервенций [34, с. 60]. Несмотря на то

что терроризм здесь прямо не называется, он подразумевается, так как, например, оппоненты непризнанных государственных образований считают их террористическими⁹. Правовые позиции государств в данном случае в значительной мере определяются политическим курсом, что отражается в дискуссиях в рамках заседаний Генеральной Ассамблеи и Комитета по правовым вопросам (Шестого комитета) ООН.

В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом дается определение указанных понятий со ссылкой на приведенные выше международные конвенции¹⁰.

На мировоззренческие причины терроризма обращал внимание Ю.М. Антонян [35, с. 59]. Развитие этой позиции выводит одну из причин терроризма из многочисленных войн, следствием которых стало в том числе и всеобщее признание человеческой жизни основной ценностью, которую гарантирует современное демократическое государство. В противовес этому экстремисты сводят ценность жизни к «техническим» параметрам достижения своих целей.

Технические достижения последних десятилетий существенно упростили возможности совершения террористического акта, распространения страха среди населения. В этом смысле прогресс технологий (военных, телекоммуникационных и др.) также является одной из причин живучести терроризма, который в современных условиях, как правило, хорошо технически оснащен, что существенно осложняет противодействие преступлениям террористической направленности.

⁹ В официальных документах Верховной рады Украины, а также президента Украины непризнанные ДНР и ЛНР считаются террористическими организациями. См.: ДНР и ЛНР объявлены террористическими организациями // Kiev times. 2014. 16 мая. URL: <http://thekievtimes.ua/society/374359-dnr-i-lnr-obyavleny-terroristicheskimi-organizacijami.html>. При этом рядом международных организаций они таковыми не признаны.

¹⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fortna V.P. Do Terrorists Win? Rebels' Use of Terrorism and Civil War Outcomes / V.P. Fortna // International Organization. — 2015. — № 69 (3). — P. 519–556.
2. Wisniewski J.J. Torture, Terrorism, and the Use of Violence / J.J. Wisniewski // Review Journal of Political Philosophy. — 2008. — Vol. 6, № 1. — P. 1–185.
3. Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю.М. Антоняна. — Москва : Аспект Пресс, 2008. — 365 с.
4. Кан Г.С. «Народная воля». Идеология и лидеры / Г.С. Кан. — Москва : Пробел, 1997. — 195 с.
5. Киселев Э.П. Возникновение и развитие уголовно-правовой нормы «захват заложника» в отечественном законодательстве / Э.П. Киселев // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2016. — № 4. — С. 19–23.

6. Lambert J.J. Terrorism and Hostages in International Law / J.J. Lambert // *A Commentary on the Hostages Convention of 1979*. — New York : Cambridge Univ. Press, 1990. — P. 346–348.
7. Aston C.C. The United Nations Convention Against the Taking of Hostages: Realistic or Rhetoric? / C.C. Aston // *Terror Journal*. — 1982. — № 5. — P. 139–140.
8. Комиссаров С. Воздушные пираты страны Советов / С. Комиссаров // *Авиация и время*. — 2009. — № 5. — С. 11–47.
9. Губарев О.И. Воздушный террор: хроника преступлений / О.И. Губарев. — Москва : Вече, 2006. — 320 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. — Москва : Юрид. лит., 1980. — 416 с.
11. Спасенников Б.А. Проблемы противодействия рекрутированию «новых воинов Джихада» / Б.А. Спасенников, А.В. Цатуров // *Военно-юридический журнал*. — 2015. — № 2. — С. 9–12.
12. Slater J. What Went Wrong? The Collapse of the Israeli-Palestinian Peace Process / J. Slater // *Political Science Quarterly*. — 2001. — Vol. 116, № 2. — P. 171–199.
13. Родин А.В. Причины современного терроризма / А.В. Родин // *Вестник науки и образования*. — 2019. — № 10. — С. 104–108.
14. Halibozek E.P. The Corporate Security Professional's Handbook on Terrorism / E.P. Halibozek, A. Jones, G.L. Kovacich. — Amsterdam : Elsevier, 2008. — 353 p.
15. Mackey R. Can Soldiers Be Victims of Terrorism? / R. Mackey // *The New York Times*. — 2009. — 20 Nov. — URL: <https://thelede.blogs.nytimes.com/2009/11/20/define-terrorism>.
16. Weston A. A Rulebook for Arguments / A. Weston. — Indianapolis : Hackett Publ., 2000. — 87 p.
17. Macagno F. Emotive Language in Argumentation / F. Macagno, D. Walton. — New York : Cambridge Univ. Press, 2014. — 292 p.
18. Sinclair S.J. The Psychology of Terrorism Fears / S.J. Sinclair, D. Antonius. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. — 174 p.
19. White J.R. Terrorism and Homeland Security / J.R. White. — Boston : Cengage Learning, 2012. — 528 p.
20. Кормушкина И.В. Конвенционный механизм борьбы с международным терроризмом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / И.В. Кормушкина. — Казань, 1993. — 210 с.
21. Kirsch P. The Rome Conference on an International Criminal Court: The Negotiating Process / P. Kirsch, J.T. Holmes // *American Journal of International Law*. — 1990. — Vol. 93, № 1. — P. 2–12.
22. Антипенко В.Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / В.Ф. Антипенко. — Москва, 2004. — 476 с.
23. Алексеева М.М. Политика «двойных стандартов» и принцип неотвратимости наказания за совершение актов терроризма / М.М. Алексеева // *Пространство и Время*. — 2014. — № 3. — С. 54–61.
24. Шнайдер Г.И. Криминология / Г.И. Шнайдер ; под ред. Л.О. Иванова. — Москва : Прогресс, 1994. — 504 с.
25. Laqueur W. Reflections on Terrorism / W. Laqueur // *Foreign Affairs*. — 1986. — Vol. 65, № 1. — P. 86–100.
26. Waugh W.L. International Terrorism: How Nations Respond to Terrorists / W.L. Waugh. — Saliburg : Documentary Publications, 1982. — 326 p.
27. Цифровая криминология: метод цифрового профилирования поведения неустановленного преступника / А.П. Суходолов, М.А. Калужина, Б.А. Спасенников, В.С. Колодин. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).385-394 // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 385–394.
28. Олейник А.В. Двойные стандарты Запада против терроризма / А.В. Олейник // *Обозреватель*. — 2009. — № 12. — С. 34–45.
29. Боярский В.И. Диалектика двойных стандартов и международный терроризм как инструмент обеспечения «жизненно важных интересов» государств / В.И. Боярский // *Пространство и Время*. — 2012. — № 3. — С. 84–87.
30. Спасенников Б.А. О совершенствовании оперативно-разыскных мероприятий в среде лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистского характера / Б.А. Спасенников, А.В. Цатуров // *Оперативник (сыщик)*. — 2015. — № 4 (45). — С. 14–16.
31. Спасенников Б.А. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях / Б.А. Спасенников, А.М. Смирнов // *Социологические исследования*. — 2015. — № 9 (377). — С. 120–124.
32. Seymour G. Harry's Game / G. Seymour. — London : Hodder, 1975. — 384 p.
33. Pandey S.C. International Terrorism and the Contemporary World / S.C. Pandey. — New Delhi : Sarup & Sons, 2006. — 296 p.
34. Кузьмина О.В. Использование «двойного стандарта» — важнейшая проблема современных международных отношений / О.В. Кузьмина, В.Ю. Лукьянов // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. — 2014. — № 3. — С. 59–69.
35. Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю.М. Антонян. — Москва : Щит-М, 1998. — 306 с.

REFERENCES

1. Fortna V.P. Do Terrorists Win? Rebels' Use of Terrorism and Civil War Outcomes. *International Organization*, 2015, no. 69 (3), pp. 519–556.
2. Wisniewski J.J. Torture, Terrorism, and the Use of Violence. *Review Journal of Political Philosophy*, 2008, vol. 6, no. 1, pp. 1–185.
3. Antonyan Yu.M. (ed.). *Priroda etnoreligioznogo terrorizma* [Nature of Ethno-Religious Terrorism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. 365 p.

4. Kan G.S. «*Narodnaya volya*». *Ideologiya i lidery* [The «People's Will». Ideology and Leaders]. Moscow, Probel Publ., 1997. 195 p.
5. Kiselev E.P. Genesis and Development of the Criminal Law Provision «Androlepsy» in Domestic Legislation. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2016, no. 4, pp. 19–23. (In Russian).
6. Lambert J.J. Terrorism and Hostages in International Law. *A Commentary on the Hostages Convention of 1979*. New York, Cambridge University Press, 1990, pp. 346–348.
7. Aston C.C. The United Nations Convention against the Taking of Hostages: Realistic or Rhetoric? *Terror Journal*, 1982, no. 5, pp. 139–140.
8. Komissarov S. Air Pirates of the Land of Soviets. *Aviatsiya i vremya = Aviation and Time*, 2009, no. 5, pp. 11–47. (In Russian).
9. Gubarev O.I. *Vozdushnyi terror: khronika prestuplenii* [Air Terror: Chronicle of Crimes]. Moscow, Veche Publ., 320 p.
10. Severin Yu.D. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [The Comments to the Criminal Code of RSFSR]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1980. 416 p.
11. Spasennikov B.A. Problems of Combating Recruiting of «New Jihad Soldiers». *Voенно-yuridicheskii zhurnal = Military Juridical Journal*, 2015, no. 2, pp. 9–12. (In Russian).
12. Slater J. What Went Wrong? The Collapse of the Israeli-Palestinian Peace Process. *Political Science Quarterly*, 2001, vol. 116, no. 2, pp. 171–199.
13. Rodin A.V. Terrorism in Modern Realities. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Herald of Science and Education*, 2019, no. 10, pp. 104–108. (In Russian).
14. Halibozek E.P., Jones A., Kovacich G.L. *The Corporate Security Professional's Handbook on Terrorism*. Amsterdam, Elsevier, 2008. 353 p.
15. Mackey R. Can Soldiers Be Victims of Terrorism? *The New York Times*, 2009, November 20. Available at: <https://thelede.blogs.nytimes.com/2009/11/20/define-terrorism>.
16. Weston A. *A Rulebook for Arguments*. Indianapolis, Hackett Publ., 2000. 87 p.
17. Macagno F., Walton D. *Emotive Language in Argumentation*. New York, Cambridge University Press, 2014. 292 p.
18. Sinclair S.J., Antonius D. *The Psychology of Terrorism Fears*. Oxford University Press, 2012. 174 p.
19. White J.R. *Terrorism and Homeland Security*. Boston, Cengage Learning, 2012. 528 p.
20. Kormushkina I.V. *Konventionnyi mekhanizm bor'by s mezhdunarodnym terrorizmom. Kand. Diss.* [Convention Mechanism for the Fight against International Terrorism. Cand. Diss.]. Kazan, 1993. 210 p.
21. Kirsch P., Holmes J.T. The Rome Conference on an International Criminal Court: the Negotiating Process. *American Journal of International Law*, 1990, vol. 93, no. 1, pp. 2–12.
22. Antipenko V.F. *Mekhanizm mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya bor'by s terrorizmom. Dokt. Diss.* [Mechanism of the International Legal Regulation of the Fight against Terrorism. Doct. Diss.]. Moscow, 2004. 476 p.
23. Alekseeva M.M. Double Standards Policy and Principle of Inevitability of Punishment for Acts of Terrorism. *Prostranstvo i Vremya = Space and Time*, 2014, no. 3, pp. 54–61. (In Russian).
24. Schneider H.J. *Kriminologie*. München, C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1987. 342 S. (Russ. ed.: Schneider H.J.; Ivanov L.O. (ed.). *Kriminologiya*. Moscow, Progress Publ., 1994. 504 p.).
25. Laqueur W. Reflections on Terrorism. *Foreign Affairs*, 1986, vol. 65, no. 1, pp. 86–100.
26. Waugh W.L. *International Terrorism: How Nations Respond to Terrorists*. Saliburg, Documentary Publications, 1982. 326 p.
27. Sukhodolov A.P., Kaluzhina M.A., Spasennikov B.A., Kolodin V.S. Digital Criminology: the Method of Digital Profiling of an Unidentified Criminal's Behavior. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 385–394. DOI: 10.17150/25004255.2019.13(3).385-394. (In Russian).
28. Oleinik A.V. Double Standards of Western Countries against Terrorism. *Obozrevatel' = Observer*, 2009, no. 12, pp. 34–45. (In Russian).
29. Boyarskiy V.I. The Dialectics of Double Standards and International Terrorism as a Tool of Providing 'Vital Interests' of the States. *Prostranstvo i Vremya = Space and Time*, 2012, no. 3, pp. 84–87. (In Russian).
30. Spasennikov B.A., Tsaturov A.V. On Improving Operative Search Activities among those Serving a Sentence for Crimes of an Extremist Nature. *Operativnik (syshchik) = Field Investigator (Sleuth)*, 2015, no. 4 (45), pp. 14–16. (In Russian).
31. Spasennikov B.A., Smirnov A.M. Social and Legal Characteristics of the Convicts Serving Sentences in Russian Correction Colonies. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 9 (377), pp. 120–124. (In Russian).
32. Seymour G. *Harry's Game*. London, Hodder, 1975. 384 p.
33. Pandey S.C. *International Terrorism and the Contemporary World*. New Delhi, Sarup & Sons, 2006. 296 p.
34. Kuzmina O.V., Lukyanov V.J. The Use of «Double Standard» — the Most Important Problem Contemporary International Relations. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 3, pp. 59–69. (In Russian).
35. Antonyan Yu.M. *Terrorizm: kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie* [Terrorism: Criminological and Criminal Legal Research]. Moscow, Shchit-M Publ., 1998. 306 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Серебренникова Анна Валерьевна — профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Serebrennikova, Anna V. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University,

государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: serebranna@hotmail.com.

Суходолов Александр Петрович — проректор по науке Байкальского государственного университета, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: science@bgu.ru.

Спасенников Борис Аристархович — советник директора Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: borisspasennikov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-00025668-6457>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Серебренникова А.В. Криминологическая характеристика причин и условий террористической преступности / А.В. Серебренникова, А.П. Суходолов, Б.А. Спасенников. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).38-48 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 1. — С. 38–48.

Doctor of Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: serebranna@hotmail.com.

Sukhodolov, Alexander P. — Vice Rector for Research, Baikal State University, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: science@bgu.ru.

Spasennikov, Boris A. — Advisor to the Director, N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: borisspasennikov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-00025668-6457>.

FOR CITATION

Serebrennikova A.V., Sukhodolov A.P., Spasennikov B.A. Criminological characteristics of the causes and conditions of terrorist crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 38–48. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).38-48. (In Russian).